

А

125

ЛЕКЦІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Профессора С. Θ. ПЛАТОНОВА,

ДОКТОРА РУССКОЙ ИСТОРИИ

читанныя въ 1899—1900 учебн. году въ Александровской Военно-Юридической Академіи, Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Выпускъ II-й

Издали на правахъ рукописи слушатели Александровской Военно-Юридической Академіи
ПОРУЧИКИ

Блиховъ и фонъ-Раупахъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С.-Петербургскаго Градоначальства, Изм. полкъ, 8 рота, № 20-6
1900

А

2007112434

Эпоха смутного времени.

Политическое противорѣчіе въ Московской жизни XVI вѣка.

Первою темою настоящаго курса должны служить событія Московской исторіи первой половины XVI вѣка, иначе говоря, времени Іоанна Грознаго. Отсылая желающихъ ознакомиться съ внѣшнею исторіею этого періода къ соотвѣтствующимъ главамъ „Русской Исторіи“ Бестужева-Рюмина, мы прямо обратимся къ характеристикѣ тѣхъ основныхъ явленій Московской государственной и общественной жизни, которыми опредѣлилось содержаніе труднѣйшаго кризиса, пережитаго Московскимъ государствомъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій.

Въ основаніе Московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которые тѣмъ дальше, тѣмъ больше давали себя чувствовать Московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевского: „это противорѣчіе состояло въ томъ, что Московскій государь, котораго ходъ исторіи привелъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи“. Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію Московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было социальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ, вызванныхъ необходимостью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяжелой массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частно-владѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія, въ своемъ раскрытіи во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое „Смутное время“. Нельзя, по нашему разумѣнію,

приступить къ изложенію этого времени, не ознакомясь съ условіями, его создавшими, и не сдѣлавъ хотя краткаго отступленія въ эпоху сложенія Московскаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ понятіе власти Московскаго государя входили два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть Московскаго государя имѣла патримоніальный характеръ. Происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчинныхъ правъ и понятій, отличавшихъ власть Московскихъ князей XVI—XV вѣка. Какъ въ старое время всякій удѣлъ былъ наследственной собственностью, вотчиною своего „государя“ удѣльнаго князя, такъ и все Московское государство, ставшее на мѣстѣ старыхъ удѣловъ, признавалось «вотчиною» царя и великаго князя. Съ Московскаго государства это понятіе вотчины переносилось даже на всю Русскую землю, на тѣ ея части, которыми Московскіе государи не владѣли, но надѣялись владѣть: „не то одно наша вотчина“, говорили московскіе князья литовскимъ, „кои города и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля..., изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша вотчина“. Вся полнота владѣльческихъ правъ князя на наследственный удѣлъ была усвоена Московскими государами и распространена на все государство. На почвѣ этой удѣльной преемности и выросли тѣ понятія и привычки, которыя Грозный выражалъ словами: «жаловати есмы своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмы». И самъ Грозный считалъ себя собственникомъ своей земли, и люди его времени смотрѣли на государство, какъ на «домъ» или хозяйство государя. Любопытно, что одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ и непосредственныхъ, несмотря на вычурность слога, писателей конца XVI и начала XVII вѣка, Иванъ Тимофеевъ, обсуждая послѣдствія прекращенія московской династіи, всегда прибѣгалъ къ сравненію государства съ «домомъ сильножителя»: очевидно, такая аналогія жила въ умахъ той эпохи. Во-вторыхъ, власть Московскаго государя отличалась національнымъ характеромъ. Московскіе великіе князья, распространяя свои удѣльныя владѣнія и ставъ сильнѣйшими среди сѣверно-русскихъ владѣтелей, были призваны исторіею къ дѣятельности высшаго порядка, чѣмъ ихъ прославленное удѣльное «скопщичество». Имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ, пришлось взять на себя задачу народнаго освобожденія отъ татаръ. Рано стали они копить силы для борьбы съ татарами и гадать о томъ, когда „Богъ переменитъ Орду“. Во второй половинѣ XIV вѣка борьба съ Ордою началась и на Куликовомъ полѣ, Московскій князь впервые выступилъ борцомъ не только за свой удѣльный интересъ, но и за общее народное дѣло. Съ той

поры значеніе Московскихъ великихъ князей стало измѣняться: народное чувство превратило ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ народныхъ вождей, и уже Дмитрій Донской заслужилъ отъ книжниковъ эпитетъ «царя русскаго». Приобрѣтеніе Москвою новыхъ земель перестало быть простымъ собираніемъ „примысловъ“ и приобрѣло характеръ объединенія великорусскихъ земель подъ единою національною властью. Трудно рѣшить, что шло впередъ: политическая ли прозорливость московскаго владѣтельнаго рода, или же самосознаніе народныхъ массъ; но только во второй половинѣ XV вѣка національное государство уже сложилось и вело сознательную политику; ко времени же Грознаго готовы были и всѣ тѣ политическія теоріи, которыя провозгласили Москву «новымъ израилемъ», а Московскаго государя „царемъ православія“. Обѣ указанныя черты—вотчинное происхожденіе и національный характеръ—самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на положеніе царской власти въ XVI вѣкѣ. Если государь былъ вотчинникомъ своего царства, то оно ему принадлежало, какъ собственность, со всею безусловностью владѣльческихъ правъ. Это и выражалъ Грозный, говоря, что онъ «родителей своихъ благословеніемъ, *свое* взялъ, а не чужое восхитилъ». Если власть государя опиралась на сознаніе народной массы, которая видѣла въ царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ національной независимости, то очевиденъ демократическій складъ этой власти и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ. Такимъ образомъ, московская власть была властью абсолютною и демократическою.

Рядомъ же съ этою властью въ XV—XVI вѣкахъ, во главѣ административнаго и соціальнаго Московскаго порядка, находилось Московское боярство, исторія котораго съ такимъ интересомъ и усиліемъ изучалась въ послѣдніе десятилѣтія. Однако это изученіе не привело еще изслѣдователей къ единомыслію. Не всѣ одинаково смотрятъ на положеніе боярства въ XVI вѣкѣ. Однимъ оно представляется слабою политически средою, которая, внѣ служебныхъ отношеній, не имѣла ни вѣшняго устройства, ни внутренняго согласія, ни вліянія на массы, и, стало быть, не могла выступить на борьбу съ властью за какой-либо сословный интересъ. Съ этой точки зрѣнія гоненіе Грознаго на бояръ объясняется проявленіемъ ничѣмъ не оправдываемаго тиранства. Другимъ наблюдателямъ, напротивъ, боярство представляется какъ олигархическій, организованный въ партіи кругъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя стремятся къ господству въ государствѣ и готовы на явную и тайную борьбу за вліяніе и власть. Такая точка зрѣнія освѣщаетъ